

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ СОТЕРИОЛОГИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: «ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ» (XVII В.) И «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» Н. В. ГОГОЛЯ

REFLECTION OF THE IDEAS OF CHRISTIAN SOTERIOLOGY IN RUSSIAN LITERATURE: "A TALE OF GORE-ZLOCHASTIE" (XVII) AND "DIARY OF A MADMAN" BY N. V. GOGOL

N. Bedina

Summary. The article posed the research problem of the reflection of the ideas of Orthodox soteriology in the Russian literary tradition. It is solved through the comparison of the narrative structure in the short story "Diary of a Madman" by N. V. Gogol with the Old Russian text "A Tale of Gore-Zlochastie". The using the household story genre form for expressing moral and philosophical content brings together Gogol's work and the medieval parable tradition. The main issues of the Christian doctrine of salvation translated into the story line of the individual human fate in the Old Russian text, and in "Diary of a Madman". N. V. Gogol, portraying the his hero way, implements the characteristic of the medieval parable motif of "turbidity" of human nature as a consequence of the fall. The Aksenty Poprishchin madness can be interpreted as an image of the human mind limitations, being inflated with pride, unable to see the truth. However, in the Old Russian story, where the plot is based on the gospel parable of the Prodigal Son, the author gave to hero the possibility of free from the power of sin and regain the "fatherly estate" of truth. Whereas in Gogol's text internal conflict, culminating in the final monologue of the hero, does not receive a definite resolution.

Keywords: Christian soteriology, parable, story line, "Diary of a Madman" by N. V. Gogol, "A Tale of Gore-Zlochastie".

Бедина Наталья Николаевна

*К. филол. н., доцент, Северный (Арктический)
федеральный университет им. М. В. Ломоносова
(г. Архангельск, Россия)
bedina-nat@yandex.ru*

Аннотация. В статье поставлена исследовательская задача через сопоставление сюжетной структуры повести «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя с древнерусским текстом «Повесть о Горе-Злочастии» выявить отражение в русской литературной традиции идей православной сотериологии. Использование жанровой формы бытовой повести для высказывания нравственно-философского содержания сближает произведение Гоголя со средневековой притчевой традицией. В сюжетно разработанном повествовании об индивидуальной человеческой судьбе как в древнерусском тексте, так и в повести «Записки сумасшедшего» нашли отражение основные вопросы христианского учения о спасении. Н. В. Гоголь, изображая путь своего героя, реализует характерный для средневековой притчи мотив «замутнения» человеческой природы как следствия грехопадения. Сумасшествие Аксентия Поприщина можно трактовать как образ ограниченности человеческого разума, обуянного гордыней, не способного увидеть истину. Однако, если в древнерусской повести, сюжет которой основан на евангельской притче о блудном сыне, герою дано освободиться от власти греха и вновь обрести «отеческое имение» истины, то у Гоголя внутренний конфликт, достигающий кульминации в финальном монологе героя, не получает однозначного решения.

Ключевые слова: христианская сотериология, притча, сюжет, «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя, «Повесть о Горе-Злочастии».

Повесть «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя можно отнести к жанру повести-притчи, задача которой становится не бытописание или нравописание, а осмысление нравственно-философских вопросов [1; 7; 12]. Использование жанровой формы бытовой повести для высказывания философского содержания сближает произведение Гоголя со средневековой притчевой традицией. В древнерусской книжности синтетический жанр повести-притчи реализуется в «Повести о Горе-Злочастии» XVII в. Многие русские повести XVII в. используют сюжетную структуру евангельской притчи о блудном сыне [3], однако именно «Повесть о Горе-Злочастии» выдерживает притчевую форму как основу поэтики текста. Сопоставление сюжетной структуры

гоголевской повести с древнерусским текстом составляет исследовательскую задачу настоящей статьи.

В «Повести о Горе-Злочастии» главный герой (Молодец), подобно младшему сыну евангельской притчи, вступает на путь самоутверждения. Он покидает родительский Дом, растрчивает свое «имение» и попадает под власть беса (Горя-Злочастия), который в конце концов заставляет героя поклониться ему «до сыры земли». В сюжетно разработанном повествовании об индивидуальной человеческой судьбе, в образах, понятных и, видимо, актуальных для Руси XVII века, автор «Повести» изложил основные вопросы православной антропологии и сотериологии. Первое повествование о прельщении

Молодца, параллельное ветхозаветному сюжету о грехопадении Адама и Евы, заканчивается констатацией изменения, «замутнения» природы человека вследствие грехопадения:

*И вставал молодец на бѣлыя ноги,
учаль молодець наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тѣло бѣлое* [9, с. 34]

(ср. в Великом покаянном Каноне Андрея Критского: «Раздрахъ ныне одежду мою первую, иже ми изтка Зиждитель изначала, и оттуду лежу нагъ. Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыжуся» [6, с. 20]).

И затем:

*Все имене и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося...* [9, с. 36].

Далее исследуется жизнь в стране чужой, дальней — земная природа изгнанного из рая человечества. Человек после грехопадения несет в себе два различных начала: с одной стороны, Образ Божий, «творческие искания добра и правды», а с другой — греховное начало, паразитирующее на всем светлом и творческом, что рождается в человеческой душе, искажая или разрушая ее движения [4, с. 265]. В душе Молодца разворачивается постоянная борьба добра и зла. «Невидимая брань» в душе человека есть результат разрушения первоначальной гармонии его природы, но она же — залог его спасения, так как только «употребляющие усилия» могут «восхитить Царство Божие» (Мф. 3: 12).

Семантическим ключом ко второй части «Повести» служат слова притчи о блудном сыне: «брат твой сей был мертв и ожил» (Лк. 15: 32). Путь Молодца в дальней стране — это путь в «царстве тления», где сильны Горе-Злочастье и «сродники» его, воплощение греха, подчиняющего себе человека. Как справедливо пишет С. А. Охтеня, хронотоп «Повести» определен архетипической моделью мира и архетипической сюжетной схемой путешествия Молодца из пространства жизни в пространство смерти, а затем обратно в «спасительное место» (в монастырь) [8, с. 103–131]. Библейские параллели в осмыслении пути героя в пространстве земного существования сочетаются с архаико-фольклорными маркерами мира смерти как обратного отражения мира живых, реализованного в системе двойников (родители / «добрые люди», Молодец / Горе, возвращение / ложное возвышение). Но мотив путешествия *туда-и-обратно* осмысливается в «Повести» с позиции христианской идеи смирения как основы спасения человека. Переезд героя через

реку из «чужой страны» на «свою сторону» и обратное его переодевание в «крестьянскую одежду» становится возможным только после покаянной «напевочки»:

*Беспечална мати меня породила,
гребешкомъ кудерцы розчесывала...* [9, с. 41].

Уход в монастырь (в «попечение о смерти» [10, с. 105, 228.]) приобретают в притчевом хронотопе «Повести» дополнительные эсхатологические коннотации — рождение и смерть героя оказываются взаимозаменяемыми мотивами.

Н. В. Гоголь, изображая путь своего героя — Аксентия Ивановича Поприщина, — также реализует притчевый мотив «замутнения» человеческой природы. В гоголевском тексте не прослеживается четкая структура сюжета quest (верх — низ — верх), но путь героя совершается в мире, маркированном признаками иномира. Человек здесь носит имя Зверков, а собаки говорят и пишут человеческим языком, время здесь характеризуется переходностью, вывороченностью: *мартобря* (между весной и осенью), *между днём и ночью* [3, с. 178]. Утрата разума героем имеет во многом ту же нравственную причину, что и «потеря отечества» героев евангельской притчи и древнерусской повести, — это гордыня человека (мелкий чиновник, титулярный советник Аксентий Поприщин страдает манией величия в результате неизбежного социально-психологического унижения). Отечественное имене в притче, по учению Отцов Церкви, — это, прежде всего, разумность [11, с. 405–408]. «Вообразивъ моихъ страстей безобразие, любосластными стремленьми погубихъ ума красоту», — говорит св. Андрей Критский в Великом покаянном Каноне [6, с. 19]. Имене — это способность осознать свое подлинное положение в мире и сыновнее отношение к Богу, это направляемый Святым Духом разум, стремящийся к соединению с Божественной Истиной (ср.: тропарь на Рождество Христова: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума»). Само сумасшествие Поприщина можно трактовать как образ ограниченности человеческого разума, обуянного гордыней, его неспособности увидеть реальность, «ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3: 19).

Однако, чем глубже погружается герой в безумие, тем явственней проступает его истинная природа: буквальное значение имени Аксентий (Авксентий) — «возрастающий». Так же как и Молодец древнерусской повести, герой Гоголя дважды переживает духовное возвышение: одно мнимое (или ложное), другое истинное. В первом случае Поприщин обретает самого себя и свое «место в мире» — свое поприще [13], поверив в нужность и осмысленность собственного существования: «Сегоднешний день — есть день величайшего торжества!

В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я!» [2, с. 177]. Как пишет И. П. Золотусский, Аксентий Поприщин «отделяется от действительности собак и департамента и воспаряет в высшей реальности — реальности нового бытия, которое, как ни комично со стороны, есть подлинное его бытие» [5, с. 167]. Однако поиск героем «своего места» все еще отягощен гордыней, и, возможно, поэтому он приводит героя к страданию. С пронзительной силой изображена Гоголем трагедия человека, вдруг поверившего в осмысленность своего существования и обманувшегося: «Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня» [2, с. 183].

В мире замутненного разума страдание — путь возвращения к реальности, «зримой духовными глазами». Пройдя через страдание от физической боли и утраты смысла своего служения, герой в финале буквально поднимается над миром: «Садись, мой ящик, звени, мой колокольчик, взвейтеса, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. <...> Дом ли мой синее вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку!» [2, с. 184]. Моль-

ба-молитва гоголевского героя, обращенная к Матушке, перекликается с «напевочкой» о Матери, которую поет Молодец в «Повести о Горе-Злочастии» перед избавлением от Горя. Эсхатологические мотивы освобождения от «этого света» в молитве Аксентия Поприщина соответствуют переходу Молодца от «земли низкой» в место спасения. Однако, если в древнерусской повести, как и в евангельской притче, герою дано вернуться и вновь обрести «отеческое имение» истины, то у Гоголя в финальном монологе достигает кульминации внутренний конфликт, не получающий разрешения. Столкновение сатирической интонации последней фразы повести «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» с высоким духовным запросом молитвы героя оставляет финал открытым.

Текст повести Гоголя не дает прямых указаний на то, что автор ориентировался на традицию древнерусской повести XVII в., и все же сюжетные параллели с «Повестью о Горе-Злочастии», а через нее с евангельской притчей о блудном сыне, позволяют говорить о том, что все содержание «Записок сумасшедшего» определено христианской сотериологией и утверждает мысль о трудности, но необходимости духовного делания, вне которого нет ни радости, ни света разума, ни спасения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя [Текст] // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников / Ред., предисл. и коммент. С. И. Машинского. — М.: Художественная литература, 1952. — С. 340–348.
2. Гоголь Н. В. Записки сумасшедшего [Текст] // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. — М.: Правда, 1984. — С. 164–184.
3. Демкова Н. С. Евангельская притча о блудном сыне и ее русские интерпретации XVII века [Текст] // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика, интерпретации, источники. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. — С. 135–146.
4. Зеньковский Василий, протопр. Основы христианской философии [Текст]. — М.: Канон+, 1997. — 560 с.
5. Золотусский И. П. Гоголь [Текст]. — М.: Молодая гвардия, 1979. — 512 с.
6. Канонъ Великий. Творение святого Андрея Критскаго Иерусалимскаго, чтмый в первую неделю Поста. Славянский текстъ съ русскимъ переводомъ [Текст] / Сост. и пер. Н. Кедров. — Изд. 2-е. — М.: А. Д. Ступин, 1915. — 144 с.
7. Матонин В. Н., Бедина Н. Н., Егорова Е. Н. Предчувствие антропологической катастрофы в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя [Текст] // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. — С. 208–215.
8. Охтенъ С. А. Идеино-художественное своеобразие «Повести о Горе-Злочастии» в ее отношении к книжной и фольклорной традициям Древней Руси. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Омск: ОГПУ, 2002. — 172 с.
9. Повесть о Горе-Злочастии [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. Т. 15: XVII век. — СПб.: Наука, 2006. — С. 31–43.
10. Творения аввы Еваргия. Аскетические и богословские трактаты [Текст] / Пер., вступ. ст. и комм. А. И. Сидорова. — М.: Мартис, 1994. — 362 с.
11. Феофилакт Болгарский, блаженный. Толкование на Святое Евангелие [Текст]. — М.: Изд-во Летопись, 2015. — 744 с.
12. S. Fusso; P. Meyer (editors), *Essays on Gogol: Logos and the Russian Word*, Northwestern University Press, 1994, 291 p.
13. Robert A. Maguire, *Place Within: "Diary of a Madman"*. In: Robert A. Maguire, *Exploring Gogol*, Stanford University Press, 1994, P. 49–65.

© Бедина Наталья Николаевна (bedina-nat@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»